

МЕТАФОРИЧНОСТЬ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩАЯ ЧЕРТА ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Ковальчук Ольга Вячеславовна

аспирант кафедры зарубежной филологии ГАОУ ВО МГПУ
129226 Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
alexolgakov@mail.ru

В статье рассматриваются особенности функционирования различных видов метафор в постклассическом дипломатическом дискурсе, предпринята попытка классифицировать функции метафоры с учетом институциональных дискурсивных особенностей, а также ее интердискурсивных признаков. Материалом для исследования послужили метафорические конструкции и модели, отобранные из корпуса текстов, относящихся к публичной дипломатической коммуникации (материалы пресс-конференций, интервью, брифингов, публикаций на официальных страницах дипломатических ведомств).

Анализ современного публичного дипломатического дискурса показал, что тексты, относящиеся к данному коммуникативному пространству, отличаются высокой степенью метафоричности. Частотность употребления метафор при этом зависит от площадки, с которой транслируются те или иные сообщения, а, следовательно, от адресатов, пользующихся данной площадкой. Наблюдается также зависимость количества употребляемых метафор от интереса общественности к затронутой проблематике.

Проведенное исследование выявило, что в соответствии с иллокутивными и перлокутивными компонентами дипломатической коммуникации чаще всего метафора актуализуется в когнитивной и прагматической функциях, особенно в таких их разновидностях, как моделирующая, аргументативная и манипулятивная. В работе предложена классификация функций метафоры в постклассическом дипломатическом дискурсе с точки зрения интенций данного вида дискурса.

Ключевые слова: постклассический дипломатический дискурс, метафора, агент, адресат, медийное пространство, интенция, манипуляция

Введение

Обращаясь к анализу какого бы то ни было дискурсивного пространства, прежде всего, необходимо четко обозначить его границы, фокусное и фоновое пространство, его агентов. Классический дипломатический дискурс, будучи одним из самых закрытых институциональных дискурсов, остается малоизученным. Его рамки четко ограничиваются коммуникацией, осуществляемой непосредственно государственными дипломатическими ведомствами на специально отведенных площадках, часто за закрытыми дверями. Развитие средств массовой коммуникации и вызванная глобализационными процессами активизация деятельности негосударственных деятелей повлияли на структуру современной дипломатии в целом, а, следовательно, и на структуру дипломатического дискурса.

На сегодняшний момент публичная дипломатия, зарождавшаяся в рамках деятельности различных неправительственных организаций, бизнес-агентов и институтов культуры, стала неотъемлемой частью дипломатии на всех уровнях, включая государственный. Средства массовой информации подстегивают интерес общества к политической проблематике в целом, а особенно к международной политике. Дипломатические ведомства, со своей стороны, не остались безучастными к такого рода интересу. Сегодня посольства, МИД, министры и представители дипломатических ведомств создали официальные страницы в Интернете и аккаунты в социальных сетях, целевой аудиторией которых является широкая общественность. Дипломаты различного ранга становятся «медийными личностями», успешно конкурируя в цитируемости с известными мировыми политиками. Таким образом, становится все сложнее провести границу между публичной и официальной дипломатией, что дает исследователям основание говорить о возникновении принципиально нового типа дипломатического дискурса – постклассического дипломатического дискурса [Бубнова 2012, Терентий 2012, 2017, Друцэ 2015].

Особенности функционирования метафоры в различных видах институционального дискурса

Говоря об особенностях постклассического дипломатического дискурса, необходимо подчеркнуть, что одной из самых ярких его черт стала метафоричность. Именно метафора как «ведущий способ мышления и инструмент аргументации, обладающий сильным прагматическим эффектом» [Будаев 2016, Чудинов 2013], а также широким арсеналом функций, способна удовлетворить интенциональные потребности современного дипломатического дискурса. Актуальным становится рассмотрение особенностей функционирования метафоры в данном дискурсивном пространстве.

По мнению И.М. Кобозевой, основными функциями метафоры в политическом дискурсивном пространстве являются эвристическая и аргументативная. Одновременно отмечается, что в политической речи метафора выполняет «интерактивную функцию сглаживания наиболее опасных политических высказываний, затрагивающих спорные политические проблемы, минимизируя ответственность говорящего за возможную буквальную интерпретацию его слов адресатом» [Кобозева 2001:134]. Кроме того, метафора «создает у партнеров по коммуникации общую платформу, опираясь на которую, субъект речи может более успешно вносить в сознание адресата необщепринятые мнения» [Кобозева 2001:135]. При этом подчеркивается, что эстетическая и активизационная функции возникают в политических текстах «в качестве побочного эффекта» [Кобозева 2001:136].

А.В. Степаненко разграничивает следующие функции метафоры в политическом дискурсе: прагматическая, когнитивная, эмоциональная, репрезентативная, хранения и передачи национального самосознания, традиций культуры и истории народа [Степаненко 2002:24].

Наибольший интерес для нашего исследования представляет классификация, представленная А.П. Чудиновым: к числу основных функций метафоры, по его мнению, относятся когнитивная, коммуникативная, прагматическая и эстети-

ческая, каждая из которых может иметь те или иные разновидности (варианты) [Чудинов 2013].

Методы исследования

При когнитивном подходе метафора рассматривается как способ мышления, средство постижения, категоризации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к совершенно иной понятийной области. Метафора позволяет использовать возможности структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы; в качестве одного из методов исследования в работе применяется когнитивно-дискурсивный анализ метафорических моделей.

Отталкиваясь от свойств самой метафоры и ее способности обозначать не то, что сказано, а то, что намеревались сказать, мы полагаем, что именно метафора является ключом к интерпретации прагматической и интенциональной составляющей современного дипломатического дискурса. В качестве метода в данном случае избирается *интен-анализ*, под которым понимается теоретико-экспериментальное изучение интенций/намерений данного вида институционального дискурса. По мнению Л.М. Терентия, «анализ интенционального плана позволяет ответить на вопросы о целях коммуникации и объяснить ее результаты, т.к. именно интенции являются тем звеном, которое связывает истинные стремления субъекта деятельности, его смыслы и вербальное содержание речи» [Терентий 2016:176].

Дискуссия (обсуждение)

Очевидно, что при когнитивно-дискурсивном анализе метафорических моделей когнитивная функция метафоры выходит на первый план исследования. Вслед за А.П. Чудиновым, мы будем рассматривать следующие ее варианты: номинативно-оценочная, моделирующая, инструментальная и гипотетическая.

Под номинативной функцией метафоры понимается обеспечение языковой фиксации знания на основе присвоения имени объектам путем их сопоставления с другими объектами действительности. Чаще всего в данной функции выступают конвенциональные метафоры, в том числе лексикализованные: экономическая блокада, акт агрессии, международная арена.

Важно также выделить терминообразующую функцию метафоры, нацеленную на формирование метаязыка и метадискурса дипломатии. Термины, имеющие в своей основе метафору, в большинстве случаев утратили свою эвристическую составляющую: переговоры «за закрытыми дверями», «цветная революция», «холодная» война, «железный занавес». Тем не менее, они несут в себе некий когнитивный код и потенциал образности и способны в любой момент ее восстановить. Например, политическое клише «железный занавес» (англ. *Iron Curtain*), которое ввел в активное обращение в 1946 году У. Черчилль (Фултонская речь), понимается сегодня как явление, относящееся к одному из исторических этапов международных отношений. Это термин, обозначающий информационную, политическую и экономическую изоляцию двух враждующих блоков времен «холодной войны». Говоря о сегодняшнем уровне отношений между Россией и США, многие дипломаты сравнивают их с периодом «железного занавеса». В данном контексте это лишенный какой-либо эмотивности термин, обозначающий историческую дипломатическую реалию. Министр иностранных дел РФ С.В.

Лавров в своем интервью «Радио России» пользуется заложенным в метафоричный термин потенциалом: «Сейчас, когда говорят о возвращении периода холодной войны и в этом контексте упоминают «железный занавес», *то, наверное, это продиктовано громогласными заявлениями, которые по-прежнему нет-нет, да и звучат о том, что надо Россию изолировать. Ну, где изоляция, там, значит, и какой-то занавес железный... Но сейчас такая ситуация в мире, в эпоху глобализации, в эпоху взаимозависимости, что если будут опускать железный занавес, то ненароком могут себе чего-нибудь прищемить*».

Номинативно-оценочная функция позволяет дать объекту действительности другое название взамен уже существующего, но по каким-либо причинам не устраивающего адресанта. При помощи метафоры соответствующее явление подводится под категорию (по Дж. Лакоффу), что позволяет лучше определить сущность этого явления и выразить свое отношение к нему [Lakoff, Johnson 1980]. Например, характеризуя место России на международной арене с точки зрения западных коллег, министр иностранных дел РФ называет ее «догоняющей» страной и «аутсайдером европейской политики». Подобные метафоричные номинации подводят к определению России как неравному по силам субъекту международных отношений, намеренно подчеркивают негативное отношение к ней.

Помимо номинативно-оценочного в рамках когнитивной функции метафора обладает моделирующим, инструментальным и гипотетическим потенциалом [Чудинов 2013].

Система взаимосвязанных метафор позволяет построить модель геополитической реальности, обращаясь к концептам из понятной и близкой реципиенту понятийной области. Рассмотрим несколько метафорических моделей, фигурирующих в статье С.В. Лаврова «Историческая перспектива внешней политики России». Например, модель МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ЭТО СПОРТ/ИГРА. Предлагаемая западными коллегами модель международных отношений, описываемых в терминах спортивных гонок, отводит России роль «догоняющей» страны, «аутайдера европейской политики», которого пытаются «вытолкнуть на европейскую обочину». Схожая модель, представляющая осуществление внешней политики как участие в некоей игре с помощью определенного набора метафор, назначает Россию неудачливым игроком: «вынуждена постоянно подстраиваться под придуманные другими правила игры», «не может в полный голос заявлять о своей роли в мировых делах». Ориентируясь на заданный каркас представленной модели, адресат достраивает ее в своем сознании, невольно назначая на роли ведущих игроков западные державы. Полемизируя со своими западными коллегами, С.В. Лавров предлагает альтернативную модель, в которой МИРОВОЕ УСТРОЙСТВО – ЭТО УРАВНОВЕШЕННАЯ СИСТЕМА/МЕХАНИЗМ. Основываясь на метафорах «Россия – мощный балансирующий фактор», «международные отношения – сложный механизм», «Россия – ключевой элемент любого глобального равновесия», «Россия – связующее звено между Востоком и Западом», данная модель отводит нашей стране роль незаменимого элемента мирового устройства, роль «ведущего игрока». Таким образом реализуется моделирующая функция метафоры.

Инструментальная разновидность метафоры задает вектор когнитивной деятельности и выступает в качестве инструмента мышления. Данный функционал

метафоры ярче всего раскрывается в научном дискурсе, но используется также и в других видах институционального дискурса, в том числе дипломатическом. Так, 20 марта 2014 года постпред США в ООН Саманта Пауэр, касаясь вопроса о присоединении Крыма к России, заявила: «Вор может украсть собственность, но это не дает ему права ею владеть». Госпожа Пауэр не стала развивать свою мысль, предоставив это своим адресатам. Следуя логике построения данной модели, адресат выстраивает следующую логическую цепочку: «если Крым – украденная собственность, то у России нет никаких законных прав на него». И далее: «если Россия – вор, укравший Крым, то она должна быть наказана, так как воровство – наказуемое деяние». Таким образом, метафора задает направление мысли и приводит к, казалось бы, очевидным умозаключениям и оценкам действительности.

Среди разновидностей когнитивной функции метафоры А.П. Чудинов выделяет гипотетическую [Чудинов 2013]. Данная функция позволяет получить представление об объектах и явлениях действительности, еще не осознанных, сделать предположение об их характеристиках и сущности. Осмысление зарождающихся или несуществующих явлений действительности, например, «террористическое государство», сводится к попыткам вписать их в существующие модели (в данном случае, модели ГОСУДАРСТВО – ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА, ГОСУДАРСТВО – УЧАСТНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГОСУДАРСТВО – ПОРЯДОК, ЗАКРЕПЛЕННЫЙ ЗАКОНОМ, ГОСУДАРСТВО – ТЕРРИТОРИЯ, ОПРЕДЕЛЕННАЯ ГРАНИЦАМИ и т.д.). Таким образом, постигаемые явления интерпретируются в рамках свойственных сложившейся картине мира логических связей, чаще всего неверно. В данном случае необходимо предложить альтернативную модель из другой области онтологии, то есть метафорическую. Рассуждая о попытках «заигрывания» западных лидеров с террористическими организациями и предвидя опасность подобных политических решений, С.В. Лавров использует яркий образ: «Наверное, все уже осознали достаточно давно, что это угроза, которая как джинн из бутылки, и никогда ее уже обратно не запихать». В данном случае актуализация модели ТЕРРОРИЗМ – НЕПОБЕДИМОЕ И КОВАРНОЕ ЗЛО реализуется с помощью метафоры КОНТАКТИРОВАТЬ С ТЕРРОРИСТАМИ – ВЫПУСТИТЬ ДЖИННА ИЗ БУТЫЛКИ.

Метафора, являясь инструментом не только мышления, но и коммуникации, обладает коммуникативным потенциалом и служит для передачи информации.

Определяющей чертой современного дипломатического дискурса является его публичность. Именно ориентированность на широкие массы вынуждает адресантов дипломатической коммуникации прибегать к доступной для непосвященного адресата форме передачи информации. В этот момент актуализируется популяризаторская функция метафоры. Государственный секретарь США Кондолиза Райс в попытке раскрыть сущность терроризма сравнивает его с сорной травой, а идеи демократии, которые, по ее мнению, необходимо внедрять повсеместно – с культурными растениями: «Террор дает всходы, когда отсутствуют прогресс и развитие. Он расцветает в безвоздушном пространстве, где запрещены новые идеи, новые надежды и новые устремления. Террор жив там, где умирает свобода». Полемизируя с К. Райс, министр иностранных дел России поддерживает эту «растительную» метафору: «В то же время надежды некоторых политиков

и ученых на то, что приверженность большинства государств демократическим ценностям станет универсальным регулирующим принципом международных отношений, не оправдались. Напротив, сами эти ценности в ряде случаев испытали на себе натиск воинствующего сепаратизма и других экстремистских проявлений, ставших питательной средой для международного терроризма». Таким образом, метафора становится своего рода «иллюстрацией», «визуальной» опорой при передаче сложной для осмысления информации.

Одной из главных целей дипломатической коммуникации является отстаивание государственных интересов и «сглаживание углов» в международных конфликтах. Инструментом, позволяющим не нарушать когнитивное поле собеседника использованием неприемлемых или вызывающих негативные ассоциации понятий и их обозначений, является эвфемия. Суть метафорической эвфемизации заключается в способности скрывать, затушевывать, вуалировать явления, имеющие в сознании адресата заведомо негативную оценку, посредством адекватной контексту метафорической замены. При этом надо учитывать, что такого рода замещения не обязательно могут быть искренними проявлениями симпатии и интереса. Анализ современного дипломатического дискурса на предмет актуализации в нем метафорической эвфемии показал, что метафоры выполняют не только коммуникативную функцию, но и прагматическую: в рамках которой реализуются побудительная, эмотивная, аргументативная, манипулятивная и ряд других функций, направленных на преобразование существующей в сознании адресата картины мира, побуждения его к определенным действиям и формирования у него необходимого адресанту эмоционального состояния. Характеризуя в разное время российско-американские отношения, С.В. Лавров прибегает к помощи метафорических замен в тех ситуациях, где они менее всего ожидаемы и, казалось бы, не оправданы. Например, вместо «договоренности так и не были достигнуты», употребляется эвфемизм: «есть все основания полагать, что мы вышли на завершающую часть финишного отрезка». В заявлении о сегодняшнем положении отношений между нашими странами, не желая озвучивать негативную тенденцию в развитии отношений: «Мы уже вниз ушли довольно далеко и глубоко. Я очень надеюсь, что это снижение уровня взаимодействия достигло какого-то дна».

Под эвфемизмами понимаются и окказиональные индивидуально-контекстные замены одних моделей другими с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого, которые реализуются в манипулятивной функции метафоры. Эвфемизмы отвлекают внимание реципиента от объекта, способного вызвать реакцию неприятия. Способность эвфемизмов манипулировать реципиентом определяется тем, что эвфемизмы скрывают прямую сущность явления за счет создания нейтральной или положительной коннотации, часто выдавая желаемое за действительное. Госсекретарь США Рекс Тиллерсон на саммите глав МИД стран-членов НАТО, намекая на то, что в России все решения принимаются одним человеком, поддержал «танцевальную» метафору, предложенную ранее одним из министров: «*You can dance with Russia and you might also gain some things out of it. But for sure you cannot tango with Lavrov because he is not allowed to dance that one.*» (Конечно, вы можете танцевать с Россией, и вы даже можете что-то выиграть за счет этого. Но очевидно, что вы не можете танцевать танго с Лавровым,

потому что ему танцевать не позволено». Отметим, что подобные метафоры не принято оставлять без внимания с целью создания эффекта «последнего слова». Например, глава МИД РФ реагирует на вышеприведенное высказывание: «Мне тоже мама запрещала с мальчиками танцевать». Посыл, выведенный за грань политкорректности (в данном случае можно говорить об обратном приеме – дисфемизации) адресован, очевидно, не столько самому Тиллерсону, сколько широкой общественности, следящей за «словесным поединком». Затем следует очередное заявление министра, в котором он остается в рамках предложенной метафорической модели: «Если Рекс Тиллерсон чувствует, что еще не со всеми может танцевать, мы готовы помочь. Он человек очень опытный, уверен, что научится быстро». Чуть позже Лавров заявляет: «Для танго нужны двое, пока, по-моему, наши американские партнёры исполняют раз за разом индивидуальный брейк-данс». Такого рода метафорическая аргументация часто используется в публичной дипломатии, наряду с рациональной и эмоциональной. Аргументативная функция метафоры в дипломатическом дискурсе тесно переплетается с эмотивной (функция «воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата» [Чудинов 2013]) и игровой, в которой метафора используется как средство комичного [Харченко 2007]. Говоря об абсурдности ситуации с неподтвержденными обвинениями в адрес России со стороны Великобритании, российский министр иностранных дел рассказывает анекдот: «Помните [анекдот], как Василий Иванович Чапаев ездил в Монте-Карло, [играли в карты] и когда стали говорить, у кого сколько очков, кто-то сказал: «У меня 21». Чапаев говорит: «Покажи». В ответ: «У нас принято верить на слово». И тут у Василия Ивановича поперла карта... Вот что-то похожее сейчас происходит и с обвинениями в наш адрес». Данный пример – яркая иллюстрация использования метафоры в нескольких функциях одновременно.

Резюме (выводы)

Наше исследование показало, что актуализация метафор и метафорических моделей в современном дипломатическом дискурсе изолированно в какой-либо одной функции невозможна, так как данные функции обладают лишь относительной автономностью, тесно переплетаются между собой. В конкретном контексте одна или несколько функций могут выйти на первый план, в зависимости от интенций адресанта. Однако мы не можем говорить о точном количественном измерении соотношения описанных функций ввиду отсутствия необходимого инструментария.

Стоит отметить, что чаще всего в постклассическом дипломатическом дискурсе метафоры актуализируются в прагматической функции и ее разновидностях. Прежде всего, это обусловлено свойствами самой метафоры и отвечает задачам дипломатической коммуникации современности. Анализ интенционального плана постклассического дипломатического дискурса позволит по-новому посмотреть на проблему функционирования метафоры в целом и ее роль в отдельных видах институционального дискурса.

Литература

Барышников Д.Н., Туленков А.Ю. «Цифровая дипломатия» и государственный суверенитет в эпоху глобализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2012. №4. С. 121-128.

Бубнова И.А., Терентий Л.М. Дипломатический дискурс в психолингвистическом аспекте // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. №1(10). С. 68-75.

Будаев Э.В. Дискурсивный подход к анализу политической метафоры // Культура и текст. 2016. №1 (24). С. 5-19.

Викулова Л.Г., Макарова И.В., Новиков Н.В. Институциональный дискурс цифровой дипломатии: новые коммуникативные практики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2016. №3 (15). С. 54-65.

Друцэ А.Ю. Современные методы воздействия на аудиторию в постклассическом дипломатическом дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №3-1 (63). С. 154-158.

Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. Серия Филология. 2001. №6. С. 133-137

Степаненко А.В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе: на материале русского и немецкого языков: дис. ...канд. филол. наук. М., 2001. 254 с.

Терентий Л. М. Методологическое обоснование применения интен-анализа в исследовании дипломатического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №9-1 (75). С. 176-179.

Харченко В.К. Функции метафоры: Учебное пособие. Изд.2-е. М.: Издательство ЛКИ. 2007. 96 с.

Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. 176 с.

Vjola C., Holmes M. Digital Diplomacy: Theory and Practice, London: Routledge, 2015. 238 p.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 1980. 256 p.

METAPHORICITY AS THE MAIN FEATURE OF DIPLOMATIC DISCOURSE

Olga V. Kovalchuk

PhD student

Department of Foreign Philology

Moscow City Pedagogical University

4, 2nd Sel'skokhozyaistvennyi pr., Moscow, 129226 Russia

alexolgakov@mail.ru

The paper discusses functioning features of various metaphors in post-classical diplomatic discourse in attempt to classify metaphors functions in accordance with institutional discursive features as well as their interdiscursive characteristics. The experimental material are metaphorical constructions along with models selected from a corpus of texts relating to public diplomatic communication (materials of press conferences, interviews, briefings, publications on official web-pages of diplomatic departments).

The current public diplomatic discourse analysis points out that the texts relating to this communicative space are distinguished by a high degree of metaphoricity. The frequency of metaphors being used depends on the site from which the news is broadcast. Consequently, the site recipients define the use of metaphors. There is also a dependence of the number of used metaphors on the public interest in the issues raised.

The research has revealed that in accordance with the illocutionary and perlocutionary components of modern diplomatic communication, metaphors are most often actualized in cognitive and pragmatic, in modeling, argumentative and manipulative. The paper proposes a classification of metaphor functions in the post-classical diplomatic discourse considering its intentions.

Keywords: post-classical diplomatic discourse, metaphor, agent, recipient, media space, intention, manipulation

References

Chudinov A.P. (2013). *Ocherki po sovremennoj politicheskoj metaforologii*. Monografiya [Essays on Modern Political Metaphorology. A Monograph] Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg. 176 p. Print. (In Russian)

Baryshnikov D.N., Tulenkov A.JU. (2012). «Cifrovajadiplomatiya» I gosudarstvennyjsuverenitet v jepohuglobalizaci ["Digital Diplomacy" and the state sovereignty at the age of globalization] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 6. Politologija. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg University. Series #6. International Relations] 4: 121-128. Print. (in Russian)

Bjola C., Holmes M. (2015). *Digital Diplomacy: Theory and Practice*. London: Routledge. 238 p. Print.

Bubnova I.A., Terentij L.M. (2012). *Diplomaticeskij diskurs v psiholingvističeskom aspekte* [Psycholinguistic aspects of diplomatic discourse analysis] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika I mezhkul'turnaja komunikacija* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: Linguistics and Cross-Cultural Communication] 1(10): 68-75. Print. (in Russian)

Budaev J.E.V. (2016). Diskursivnyj podhod k analiz upoliticheskoj metafory [A discourse approach to political metaphor analysis] // *Kul'tura i tekst [Culture and Text]* 1 (24): 5-19. Print. (In Russian)

Druce A.JU. (2015). Sovremennye metody vozdejstvija na auditoriju v postklassicheskom diplomatičeskom diskurse [Modern methods of the audience manipulation in postclassical diplomatic discourse] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]* 3-1 (63): 154-158. Print. (In Russian)

Harchenko V.K. (2007). Funkcii metafory: Uchebnoe posobie. [Functions of Metaphor] Izd.2-e. M. Izdatel'stvo LKI. 96 p. Print. (In Russian)

Kobozeva I.M. (2001). Semantičeskie problem analiza politicheskoj metafory [Semantic aspects of analyzing political metaphor] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija Filologija [Moscow State University Bulletin]* 6: 133-137. Print. (In Russian)

Lakoff G., Johnson M. (1980) *Metaphors We Live By*. Chicago. Print

Stepanenko A.V. (2001). Lingvokognitivnye osobennosti funkcionirovanija metafory v političeskom diskurse: na materiale russkogo i nemeckogo jazykov [Linguistic and Cognitive Functioning Features of Metaphor in Political Discourse: A Case Study of the Russian and German Languages]: dis. ...kand. filol. nauk. M. 254 p. Print. (In Russian)

Terentij L.M. (2017). Metodologičeskoe obosnovanie primenenija intent-analiza v issledovanii diplomatičeskogo diskursa [Methodological substantiation of using intent analysis when studying diplomatic discourse] // *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology: Theory and Practice]* 9-1 (75): 176-179. Print. (In Russian)

Vikulova L.G., Makarova I.V., Novikov N.V. (2016). Institucional'nyj diskurs cifrovoj diplomatii: novye kommunikativnye praktiki [Institutional discourse of digital diplomacy: new communicative practices] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: JAzykoznanie [Volgograd State University Bulletin. Series 2: Linguistics]* 3 (15): 54-65. Print. (In Russian)